

УРОКИ ОКТЯБРЯ

Как их понимает одно из главных действующих лиц трагической осени-93

Главный результат трагических событий прошлого октября ясен: страна прожила год в мире, с сохранением всех политических свобод. Отрицать это не может никто. Это и не отрицают — об этом оппозиция просто молчит.

Столь же несомненно и другое (хотя проверить мы это, к счастью, не можем): если бы победили те «защитники Конституции», в России была бы гражданская война. Гражданская война в стране, начиненной ядерным оружием, — такого история человечества безумия еще не знает. Точно представить это невозможно — ведь метафоры Апокалипсиса каждый интерпретирует по-своему. Но об этом, как о некоторой крайней точке — от которой мы все были совсем недалеко — надо помнить, чтобы лишней раз понять, чего мы добились.

И еще одно. Горький, покорный парадокс нашего общественного сознания. Сегодня о тех днях охоты, самоубийства (с приличествующей порцией крокодиловых слез, естественно) вспоминают те, кто едва не довел страну до гибели. Охотно позируют перед журналистами Рудкой и Козловым, подписавшиеся под антистией (значит, признавшие себя преступниками), люди, развязавшие войну в Москве. Им бы хватило, и поднимая глаза, — они ведут себя, как герои И. напротив, те, кто в те дни и часы прямо выступил против ястребов и фашистов, сегодня едва ли не стыдятся этого! Во всяком случае никто не хочет принимать на себя ответственность за подавление вооруженного мятежа...

Те, кто фактически начал гражданскую войну, — гордятся.

Те, кто оставил гражданскую войну, — молчат. А в целом сегодняшняя годовщина октябрьских событий воспринимается многими как чуть ли не пирами победы демократических сил. Это — ложь. В те трагические дни демократия показала свою силу, ответственность, решимость. Верно, конечно, что в гражданской войне самотов и побед не бывает. Но победы бывают. Тогда побеждены были вооруженные мятежники. Если сегодня мы допустим, чтобы они одержали моральную победу, навязали обществу вторую «легенду Октября», — мы предадим самих себя, предадим всех, кто боролся за свободу и достойную жизнь в России до нас. Если сегодня мы лицемерно трусливо опустим глаза, отступим, признаем, что они «по своему правы», что «обе стороны равно виноваты», то завтра наше предательство, наше моральное поражение могут обернуться новым кровавым мятежом. Поведение баркашовых-макашовых показывает: ничего не забыл, ничего не понял.

Двоевластие

Самая очевидная, бесспорная причина кризиса — двоевластие. Конституция, действовавшая до декабря 1993 г., была внутренне противоречива. Принята еще при Брежнев, она разваливалась, что и показала власть принадлежат Советам. В то время это не имело значения — ведь сами Советы могли в лучшем случае что-то советовать действующему всесоюзному КПСС. После падения КПСС они реально стали претендовать на власть.

Вскоре, однако, выяснилось, что по самой конструкции их заменить исполнителю власти, не реально руководить ею они не могут. На местах это вылилось в постоянные конфликты Советов и администраций (многие помнят перманентный конфликт Моссовета и мэрии Москвы). Но самый острый конфликт, естественно, развился на высшем уровне, между Президентом и Съездом народных депутатов — Верховным Советом.

Должность Президента плохо вписывалась в советскую Конституцию. Изменить Конституцию легитимно было почти невозможно. Полномочия Президента и ВС постоянно пересекались. На практике получалось не разделение, а взаимное блокирование двух ветвей власти.

Такое двоевластие было в российской истории и всякий раз заканчивалось драматически. Вспомним хотя бы два

насыпались на министров, Президента — а четкого политического противостояния не было!

Даже «непримиримая оппозиция» в ВС оказалась не в состоянии противопоставить что-то ясное линии исполнительной власти. Что уж и говорить про большинство ВС, еще в августе 1991-го поддержавшее Ельцина! Ни это большинство, ни экономист Хасбулатов, ни летчик Рудкой так и не сумели сформулировать четкую альтернативу президентско-правительственной политике, курсу реформ, самой их идеологии. Больше того — и сегодня, пытаясь сохранить в большой политике, оспаривая «баркашов», то лицензионную бранью своих противников, никакой целостной политической программы (не говоря уж об экономической) они так и не сформулировали.

Вот это поразительно! Ведь реформы, что о них ни говори, были действительно радикальными в системных.

Смысл реформ предельно ясен: переход к рыночной, капиталистической экономике. Вы ведете с этими реформами смертельную политическую борьбу? Ясно. Следовательно, вы — за сохранение государственно-плановой, «социалистической» экономики. Можно с вами бороться с открытыми силами. Но ведь ничего подобного не было. И Хасбулатов, и Рудкой, и большинство «ик» в ВС не устояли битв себя в груди: мы — за рынок, мы — за реформы. Но если так, то в чем же смысл борьбы, противостояния?

Не предлагая никакой ясной альтернативы, ВС и съезд быстро заняли самую удобную позицию — бесплатных и безответственных защитников «уникальных и оскорбленных». Но надежды прирастить моральный капитал за счет дешевых populistских игр, полагать в свой карман пролетария с народным недовольством — эта надежда оказалась пустой. Безответственная бесчестность этих самозванных народных защитников слишком явно «свернулась».

Но, повторюсь, главная — и очевидная — ахиллесова пята ВС состояла в том, что никакой реальной альтернативы курсу реформ они, в свое время давшие этому курсу зеленый свет, предложить так и не смогли. «Стратегия правильная, тактика надо менять» — вот все, что повторялось в 1992 г. (в 1993-м — уже в меньшей степени, особенно в начале года, когда большинство ВС возлагало надежды на изменение курса реформ Черномырдиным). Ну а как же менять тактику? Вместо ответа опять брань и... молчание.

Характерна история с приватизацией. Сколько было проклятий, обвинений в очередном ограблении и обмене народа и т. д. Депутат Челюков добровольно взявший на себя роль думского чулака, комкал ваучер и бросал в Чубайса... Короче, священный гнев депутатов пределов не знал. Казалось бы — чего же проще? Примите закон, запрещающий приватизацию или хотя бы приостанавливающий ваучерную приватизацию, — и дело с концом. Нет, не посмели — альтернативы не было.

Полная политическая безответственность депутатов ярко проявилась на шестом съезде (апрель 1992 г.). Брань, истерические наскоки в адрес правительства. И тогда мы заявили, что подаем в отставку. Опять же, по логике вещей, каалось бы: правительство ужасное, губит, разоряет народ. И вот оно, проклятое, подало в отставку. Замечательной формировавший новый кабинет, предложить новую политику — вот задача депутатов.

Ни секунды не сомневался, что как только замесили



Гандар — Хасбулатов: противостояние началось на тропе, а завершилось на баррикадах.

И хитрый Хасбулатов, в откровенно недальней Рудкой явно не выдержали испытания неожиданной властью. Проявилось это четко, прямо по учебнику, особенно в случае с Рудкой. Человек, не способный сформулировать даже подобие собственной политической программы и при этом занимающий, формально, второй пост в государстве, считает, что он обделен властью!

Борьба за власть (власть, к которой он просто не приспосаблился, просто не знает, что с ней делать) становится единственным мотивом. Раз он не берет за власть, а своих взглядов не имеет, то неизбежно становится популистом без берегов, подхватывающим любую идею, любой обрывок идеи, которая в эту секунду кажется ему популярной. Отсюда постоянно противоречивые друг другу заявления, постоянные «вечные операции» — от ВС к Президенту, и обратно.

Случай Рудкой типичен. Примерно в такие же популистские игры без правил играл и весь ВС.

Для многих депутатов война с исполнительной властью (точнее беззастенчивая брань в ее адрес, превратившаяся в «бурю», в способ имитировать бурную политическую жизнь. Борьба эта была кошмарной — ведь при отсутствии собственной политической линии, при страхе перед ответственностью и реальной властью все громкие нападки на курс правительства напоминали известный анекдот: «с криком «держите меня!» он бросился под автобус». Но чем смелее депутаты невинно исполняли свою роль, тем больше им хотелось сделать карьеру в ВС, надо демонстрировать преданность — то есть воевать с Президентом.

Вся эта патологическая ситуация развилась на фоне (или даже была следствием) общей большой наследственности нашей политической системы. Самое мучительное для многих депутатов именно то, что они депутаты, что их будут переизбирать. Главная проблема была в том, чтобы «закрепиться», стать новой покаянной номенклатурой. Разумеется, среди депутатов были разные люди. Например, лидеры фракции демократов

Госдуме, а из числа известных оппозиционных лидеров — вообще считанные единицы (Бабури, Исаков).

Несколько раз на протяжении 1992—1993 годов Президент предлагал компромиссы, позволяющие развязать узел двоевластия. Безрезультатно. За каждым из таких компромиссов маячил призрак досрочных выборов, а это категорически неприятие большинства депутатов.

К началу осени 1993 г. ясно: все конституционные ресурсы исчерпаны. У народа спросили, референдум (по модели, принятой съездом!) провели, однозначный ответ получил. А двоевластие все сильнее подтачивало власть, нарастая ее основные структуры, порождая хаос непределаемости экономической политики, стимулируя волну преступности. Для Президента, отвечающего за безопасность государства, насильно смотреть на все это — значит обмануть избирателей, их мажоритария, дважды данный ему в 1991—1993 гг. Остается один путь: приостановление работы съезда и назначение новых выборов. Но это — выход за рамки пусть противоречивой, латанной-перелатанной, но действующей Конституции.

Указ 1400, разрешивший кризис двоевластия, вместе с тем разрушил сами основы уже сложившейся номенклатуры ВС, разрушил фундамент — демократии, не правового государства, но чего-то много более важного для многих депутатов: учреждения под названием ВС, того кормила власти, которую они понимали как производное от слова «форм».

Подписав этот Указ, Президент понимал — если депутаты разведутся по округам, уйдут «с высоко поднятой головой», уедут, объявив: мы отвергаем беззаконный Указ, чтобы не спровоцировать гражданскую войну, расколится и будет вести избирательную кампанию, то для Президента и его сторонников результаты будут непростыми. И все же такая тактика открывала дорогу разрешению кризиса двоевластия без гражданской войны, при помощи избирательных бюллетеней, а не автоматов. Развернуть избирательную кампанию, заставить депутатов о нем включиться — именно на это был расчет.

По такой ход был психологически невозможен для «хасбулатовцев». ВС, как и

Да, в те сентябрьские дни многие вполне разумные, интеллигентные люди, даже понимая политическую неизбежность Указа Президента, категорически отвергали его как пелегитимный юридически, нарушающий Конституцию. Но не эти люди пришли к «Белому дому», во всяком случае, не они составляли там большинство, задавал тон. Больше того — испугавшись «защитников Конституции», рассмотревшись на лозунги, те, кто действительно хотел защитить закон, как правило, бежали от «Белого дома». Те, кто правил бал у «Белого дома» в октябре 93-го, не имели ничего общего с теми, кто пришел туда в августе 91-го.

Основой для консолидации депутатов и их «защитников» был один-единственный принцип: «враг моего врага — мой друг».

В этой ситуации вполне естественно и неизбежно депутаты и Рудкой стали центром притяжения, прикрытием, а затем постепенно и знаменем самых агрессивных противников реформ. «Непримиримая оппозиция» как внутри, так и вне ВС, в течение 1992—1993 годов все плотнее сходилась с руководством ВС. Они нашли друг друга в общем слепом противостоянии Президенту.

В течение 1992—1993 годов ВС выступал в основном как защитник и объективный провокатор действий «непримиримых». В самом деле, та позиция, абсолютно бесчестная, аскляющая уличного населения, которую мы переживали в Москве в 1992—1993-м, была бы невозможна, если бы хулиганы Анпилова не надеялись на раскол властей, на ту или иную помощь ВС. (Простое доказательство: как только двоевластие кончилось, кончились и уличные шашабы).

И все-таки быть защитником, молчаливым союзником — одно. Стать союзником открытым — совсем другое.

И поразительно, как легко, мгновенно это произошло, как легко легитимные представители политического истеблишмента соединились с прямыми погромщиками! Больше того, ведь именно тогда, в краткие дни октября, мы вдруг увидели уже совсем другое, ранее вообще невиданное мурло — мурло настоящего, открытого, лжующего фашизма, поднявшего свастикку в самом центре Москвы. И вот именно тогда — прямо к фашистам — и поспешили депутаты, «защитающие Конституцию», вчера еще с вкусом обсуждавшие, чем «гарвардская» модель экономики отличается от «чикагской», чем «социальный рынок» отличается от «жесткого монетаризма».

Впрочем, союз с фашистами был не случайным. Если «политические взгляды» и большинство ВС и расходились с «красно-коричневыми», то были зато общие психологические черты, общий рсуюнок политического поведения. Разве баркашовцы предлагали депутатам принять закон о смертной казни для тех, кто примет к исполнению Указ Ельцина? Это предложил депутат Бабури. Приняли. Разве сами анпиловцы и баркашовцы, схватив оружие, рванулись на мэрию по «Останкино»? Нет, «президент» Рудкой дал команду к наступлению. Дорожка своей жизнью, столь необходимой России, г-н «президент» сам в атаку не пошел, по ценные указания давал. Он зафиксировал радиоперехваты. Тут и «огонь на поражение», и призывы к авиации. Кровавая гражданская война — вот с чего собрался начать свое правление новый президент России. И если она не состоялась — це его вина. Видно, как всегда, власти не хватало Алевксандру Владимировичу. Как и нацсты, «легитим-

рваться». Вопреки известным строчкам мятеж мог закончиться удачей. Но от того он не перестал бы быть безумным мятежом, тем самым «бессмысленным и беспощадным» бунтом.

В самом деле, представим, что Макашов не струсил и смог прорваться в «Останкино». Передали на всю страну о захвате власти, парализовали окончательно всякую власть на местах, внесли в нее полный раскол. Что было бы дальше?

Во-первых, настоящая полномасштабная гражданская война. Стронники Президента не ушли бы подбур-подбуров, очистив поле для рудких и макашовых. Но еще больше людей выступили бы не за Президента, а просто за здравый смысл. Не думаю, что большинство тех людей, что мужественно пришли в ту страшную ночь в Моссовету, были фанатическими сторонниками Президента. Нет, просто они понимали, что отдать Россию «этим» немисливо.

Итак, гражданская война была бы неизбежна. Во-вторых, взглянем на саму эту новую «власть». Против общего врага они объединились на один миг. Уже сегодня, отнюдь не имея власти, непримиримая оппозиция раздразнилась, они поливают друг друга грязью. Как же они делили бы власть, имея автоматы в руках? Так что внутри этой «власти» нас ожидали разборки — крупномасштабные бандацкие разборки. Об их характере дает представление хотя бы такое высказывание «защитника Конституции» г-на Баркашова: «всем ненавистный Верховный Совет, эта компания инфантильных болтунов...».

Я уж не говорю о профессиональных и моральных качествах новых руководителей. ВС, разумеется, не мог бы ничем руководить. А вот исполнительную власть возглавлял бы Рудкой. Тот самый, который то заявлял, что «умрет» в «Белом доме», ибо «лучше умереть человеком, чем жить подлецом», то молния Зорькина обеспечить получение иностранного посла, чтобы спасти его драгоценную шкуру. Все это зафиксировано, тысячи раз показывалось по ТВ. Или такой момент. Рудкой садится, потрясает автоматом и кричит, что его автомат не стрелял, вот он в смазке. ЕГО автомат... А автоматы тех, кого он призвал к оружию? Стреляли ли они? Это г-на «президента» не волнует. Судьбы этих по ЕГО приказу брошенных в огонь людей ЕГО просто не интересуют. Не до того! Ни одного вопроса о них он не задавал, зная, что спасением себя, любимого...

Воевой летчик. Генерал. Президент России. Такое правительство нас ожидало...

Мятеж завершится не тогда, когда рассеется пороховой дым. Куда важнее реакция общества.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. породило революцию.

«Расстрел «Белого дома» породил крик оппозиционных газет. К счастью — ни единой забастовки, ни говоря уж о чем-то худшем...

Почему? Может, очень широк «временный оккупационный режим», который разрешает себя так публично называть, выпускает из тюрем всех своих противников до единого?

Да, власть мягкая, иногда чрезмерно, попустительски мягкая — но сейчас не о том речь. Вопрос: почему же тогда так спокоен народ, который, очевидно, не боится власти?

Ответ один. Потому, что здравый смысл, глубокое чувство справедливости, которое живет в душе русского человека, говорит ему: у власти не было другого выхода.

Если сравнить с тем же 1905 г.: расстрелять безоружную толпу — варварство, преступление.

Полить вооруженный мятеж — горькая, но безусловная обязанность власти.

И еще. Может быть, без глубокого анализа, но интуитивно люди понимали, какую катастрофу несут нам Рудкой и Козлов, готовые лить кровь (чужую!), как воду — ради одной власти.

Многие осознали тем, что была нарушена Конституция. Я не разделяю такой взгляд,

ред журналистами Гущком и КС — люди, попавшиеся под амнистию (значит, признавшие себя преступниками), люди, развязавшие войну в Москве. Им бы ходить, не поднимая глаз, — они ведут себя, как герои И, напротив, те, кто в те дни и часы прямо выступил против насильников и фашистов, сегодня едва ли не стыдятся этого! Во всяком случае никто не хочет принимать на себя ответственность за подавление вооруженного мятежа...

Те, кто фактически начал гражданскую войну, — гордятся. Те, кто остановил гражданскую войну, — молчат. А в целом сегодняшняя годовщина октябрьских событий воспринимается многими как чуть ли не пиррова победа демократической сил. Это ложь. В те трагические дни демократия показала свою силу, ответственность, решимость. Верно, конечно, что в гражданской войне салатов и побед не бывает. Но побежденные бываю. Тогда побежденные были вооруженные мятежники. Если сегодня мы допустим, чтобы они одержали моральную победу, навязали обществу историю «легенды Октября» — мы предадим самих себя, предадим всех, кто боролся за свободу и достойную жизнь России до нас. Если сегодня мы лицемерно трусливо опустим глаза, отступим, признаем, что они «по-своему правы», что «обе стороны равно виноваты», то завтра наше предательство, наше моральное поражение могут обернуться новым кровавым мятежом. Поведение баркашовых-макашовых показывает: ничего не забыли, ничего не покаяли.

Двоевластие

Самая очевидная, бесспорная причина кризиса — двоевластие. Конституция, действующая до декабря 1993 г., была внутренне противоречива. Принята еще при Брежнев, она провозглашала, что вся полнота власти принадлежит Советам. В то время это не имело значения — ведь сами Советы могли в лучшем случае что-то советовать действующему всесоюзному КПСС. После падения КПСС они реально стали претендовать на власть.

Вскоре, однако, выяснилось, что по самой конструкции ни заменить исполнительную власть, ни реально руководить ею они не могут. На местах это вылилось в постоянные конфликты Советов и администрации (многие помнят перманентный конфликт Моссовета и мэрии Москвы). Но самый острый конфликт, естественно, развился на высшем уровне, между Президентом и Съездом народных депутатов — Верховным Советом.

Должность Президента плохо вписывалась в советскую Конституцию. Изменить Конституцию легитимно было почти невозможно. Полномочия Президента и ВС постоянно пересекались. На практике получалось разделение, а взаимное блокирование двух ветвей власти.

Такое двоевластие бывало в российской истории и всякий раз заканчивалось драматически. Вспомним хотя бы два самых известных исторических эпизода. 1917—1918 — двоевластие правительств и Советов. 1990—1991 — двоевластие Кремля и «Белого дома», властей СССР и России. Чем кончались оба противостояния — известно. Но вот что характерно. Вель и в первом, и во втором случаях это было не только противостояние двух «инстанций», двух «ведомств». Это было острее противостояние двух политических линий. Например, в 1917 году, пока те же Советы возглавляли «соглашатели» (эсеры и меньшевики), они находили компромиссы с правительством. И только когда в сентябре 1917-го новая политическая сила, с особой программой — большевики возглавили Петроградский Совет, столкновения стало неизбежно. Все помнят и принципиальную политическую борьбу между союзным российским руководством в 1990—1991 году.

Но в 1992—1993 году ничего подобного не было! Безобразные сцены, «конперты» разглагольствовали на съездах народных депутатов, потешая и раздражая публику, оскорбля-

ли «благородными», курсу реформ, самой их идеологии. Больше того — и сегодня, пытаясь сохранить в большой политике, осыпая в «цензурном», то цензурной бранью своих противников, никакой целостной политической программы (не говоря уж об экономической) они так и не сформулировали.

Вот это поразительно! Вель реформы, что о них ни говори, были действительно радикальными и системными.

Смысл реформ предельно ясен: переход к рыночной, капиталистической экономике. Вы ведете с этими реформами смертельную политическую борьбу? Ясно. Следовательно, вы — за сохранение государственно-плановой, социалистической экономики. Можно с вами бороться с открытыми глазами. Но ведь иичего подобного не было. И Хасбулатов, и Рудкой, и большинство «их» в ВС не устали бить себя в грудь: мы — за рынок, мы — за реформы. Но если так, то в чем же смысл борьбы, противостояния?

Не предлагая никакой связной альтернативы, ВС и съезд быстро заняли самую удобную позицию — бесплатных и безответственных защитников «униженных и оскорбленных». Но надежда прорастить моральный капитал за счет дешевых populistских игр, положить в свой карман пропен ты с народного недовольства — эта надежда оказалась тусклой. Безответственная бесчестность этих самозванных народных защитников слишком явно «светилась».

Но, повторяю, главная — и очевидная — ахиллесова пята ВС состояла в том, что никакой реальной альтернативы курсу реформ они, в свое время давшие этому курсу зеленый свет, предложить так и не смогли. «Стратегия правых», тактику надо менять! — вот все, что повторялось в 1992 г. (в 1993-м — уже в меньшей степени, особенно в начале года, когда большинство ВС возлагало надежды на изменение курса реформ Черномырдинным). Ну а как же менять тактику? Вместо ответа опять брань и... молчание.

Характерна история с приватизацией. Сколько было проклятий, обвинений в очередном ограблении и обмене народа и т. д. Депутат Челюков, добровольно взявший на себя роль думского чудака, комкал заучен и бросал в Чубайса... Короче, священный гнев депутатов пределов не зная. Казалось бы — чего же проще? Примите закон, закупающий приватизацию или хотя бы приостанавливающий ваучерную приватизацию, — и дело с концом. Нет, не посмели — альтернативы не было.

Полная политическая безответственность депутатов ярко проявилась на шестом съезде (апрель 1992 г.). Брань, истерические наскоки в адрес правительства. И тогда мы заявили, что подаем в отставку. Опять же, по логике вещей, казалось бы: правительство ужасное, губит, разоряет народ. И вот оно, проклятое, подает в отставку. Замечательной! Сформировать новый кабинет, предложить новую политику — вот задача депутатов.

Ни секунды не сомневалась, что так только замазывает хоть призраком ответственности, депутаты испуганно пойдут на попятный. Нет идей, нет программы, нет воли, нет стратегии — одна истерика и популизм. Любопытно было лишь, в какой форме они начнут пытаться. Оказалось: в самой примитивной, даже какой-то очаровательно наивной. Так прямо и говорили: э, нет, ответственность на себя не возьмем, душки! Отставка, разумеется, не принята, курс подержан, собственные грозные решения признаны рекомендациями.

О какой же ПОЛИТИЧЕСКОЙ борьбе после этого вообще можно говорить?

Склока, переходящая в переворот

Но ведь борьба была, и отчаянная. Каждый шаг правительства блокировался. Президент на съездах буквально травил. Зачем же, почему, если сами ничего не могли и не хотели предложить? Это была примитивная личная и ведомственная склока, поднятая до вершин политической борьбы.



Гайдар — Хасбулатов: противостояние начиналось на трибуне, а завершилось на баррикадах.

И хитрый Хасбулатов, и откровенно недалекый Рудкой явно не выдержали испытания неожиданной властью. Проявилось это четко, прямо по учебнику, особенно в случае с Рудким. Человек, не способный сформулировать даже подобие собственной политической программы и при этом занимающий, формально, второй пост в государстве, синтаксически неприемлет большинство депутатов.

Борьба за власть (власть, в которой он просто не приспособлен, просто не знает, что с ней делать) становится единственным мотивом. Раз он борется за власть, а своих взглядов не имеет, то неизбежно становится популистом без берегов, подхватывающим любую идею, любой обрывок идеи, которая в эту секунду кажется ему популярной. Отсюда постоянно противоречивые друг другу заявления, постоянные «челюточные операции» — от ВС к Президенту, и обратно.

Случай Рудкого типичен. Примерно в такие же популистские игры без правил играл и весь ВС.

Для многих депутатов война с исполнительной властью (точнее — безопасная брань в ее адрес) превратилась в «спорт», в способ минимизировать бурную политическую жизнь. Борьба эта была коничной — ведь при отсутствии собственной политической линии, при страхе перед ответственностью и реальной властью все грозные наказы на курс правительства напоминали известный анекдот: «с криком «держите меня!» он бросился под автобус». Но чем смелее все это выглядело, тем больше депутаты ненавидели исполнительную власть.

Кроме того, ВС — структура чисто советская, иерархическая. Его жестко держал в руках президент во главе с Хасбулатовым. И даже самый известный депутат понимал, если хочешь сделать карьеру в ВС, надо демонстрировать преданность — то есть воевать с Президентом.

Вся эта патологическая ситуация развивалась на фоне общей большой наследственности нашей политической системы. Самое мучительное для многих депутатов именно то, что они депутаты, что их будут переизбирать. Главная проблема была в том, чтобы «закрепиться», стать попой пожизненной номенклатуры. Разумеется, среди депутатов были разные люди. Например, С. Н. Ющенко в 1992 году вполне поидеялся на этой заветной мечтой в распространением на съезде проекте «Закона о наследственном депутатстве», подробно доказывая, что введение этого института поможет создать профессиональный парламент и экономить деньги налогоплательщиков. К сожалению, не такие люди определяли политическую погоду в ВС.

В условиях замкнутой, жестко иерархизированной бюрократической системы, в которую быстро превратился ВС, старые тенденции развились в чудовищной степени. Сама идеология парламента, парламентаризма, постоянно свободно переизбирательной системы представительской власти, была глубоко чужда большинству депутатов. Они охотнее соглашались на роль «саушачки Президиума», чем на роль свободного депутата.

Ева ни в главных страхах большинства депутатов стал страх новых выборов. Как выяснилось, боялись они не зря — лишь горстка народных депутатов, избранных в 1990 году, прошла в 1993-м в

бежали от «Белого дома». Те, кто правил бал у «Белого дома» в октябре 93-го, не имели общего с теми, кто пришел туда в августе 91-го. Основой для консолидации депутатов и их «защитников» был один-единственный принцип: «враг моего врага — мой друг».

В этой ситуации вполне естественно и неизбежно депутаты и Рудкой стали центром притяжения, прикрытием, а затем постепенно и знаменем самых агрессивных противников реформ. Непримиримая оппозиция — как внутри, так и вне ВС, в течение 1992—1993 годов все плотнее сходилась с руководством ВС. Они нашли друг друга в общем слепом противостоянии Президенту.

В течение 1992—1993 годов ВС выступал в основном как защитник и объективный провокатор действий «непримиримых». В самом деле, та постоянная, абсолютно бесцельная эскалация уличного насилия, которую мы пережили в Москве в 1992—1993-м, была бы невозможна, если бы хулиганы Анпилова не надеялись на раскол властей, на ту или иную помощь ВС. (Простое двоевластие, как только двоевластие кончилось, кончились и уличные шашни). И все-таки быть защитником, молчаливым союзником — одно. Стать союзником открытым — совсем другое.

И поразительно, как легко, мгновенно это произошло, как легко легитимные представители политического истеблишмента «обиделись» с прямыми погромщиками! Вольше того, ведь именно тогда, в краткие дни октября, мы вдруг увидели уже совсем другое, ранее вообще невиданное мурло — мурло настоящего, открытого, дикующего фашизма, поднявшего свастикку в самом центре Москвы. И вот именно тут, в прямую к фашистам — и последние депутаты, «защитники Конституции», вчера еще со вкусом обсуждавшие, чем «гарвардская» модель экономики отличается от «чикагской», чем «социальный рынок» отличается от «жесткого монетаризма».

Впрочем, союз с фашистами был не случайным. Если «политические взгляды» у большинства ВС и расходились с «красно-коричневыми», то был зато общий психологический черты, общими рисунком политического поведения. Разве баркашовцы предложили депутатам принять закон о смертной казни для тех, кто примет к исполнению Указ Ельцина? Это предложил депутат Вабурин. Приняли. Разве сами анпиловцы в баркашовцы, схватили оружие, рвали на мэрию и «Останкино»? Нет, «президент» Рудкой дал команду на наступление. Дорожа своей жизнью, столь необходимой России, «президент» сам в атаку не пошел, но ценные указания давал. Они зафиксированы радиопереговорами. Тут и «огонь на поражение», и призывы к авиации. Кровавая гражданская война — вот с чего собрался начать свое правление бывший президент России. И если она не состоялась — не его вина. Видно, как всегда, власти не хватало Александру Владимировичу.

Как и пацанты, «легитимные депутаты» ставили на голое насилие, на кровь, на провокацию. «Мы будем защищать Конституцию, а если она понадобится, то и с оружием в руках», — давно уже сказал депутат Астафьев на одном из съездов. Тогда его обрвал Хасбулатов: нет, наше оружие — только законы. В октябре Хасбулатов кричал с трибуны «Белого дома»: «На Кремль, на Кремль! Выгнать узурпатора из Кремля!». А довольным матерным эхом ему отвечали, потрясая ключами от мэрии, генерал Макашов и молодчики со свастикой.

Итог

На что они надеялись — понятно. Рынок прорвется к власти, которую честным демократическим путем не захватить. И расчет был не так глуп. Кризис легитимности в стране, наличие двух ветвей власти почти парализовали силовые структуры. Они не знали, чей приказ исполнять. Я, мой коллега по правительству видели все это своими глазами. Жители Москвы догадывались по странному «замедлению» с вводом войск.

Третья сила

Союзники ВС, Рудкого, их настоящая «массовая база» определялись давно. Но до поры до времени депутатское большинство и «союзники» стеснялись открыто протянуть руку друг другу. «Момент истины» наступил в октябре.

Общего врага — противостояние на трибуне, а завершилось на баррикадах.

Послужу, а из числа известных оппозиционных лидеров — вообще считанные единицы (Вабурин, Исасков). Несколько раз на протяжении 1992—1993 годов Президент предлагает компромиссы, позволяющие развязать узел двоевластия. Безрезультатно. За каждым из таких компромиссов маячит призрак досрочных выборов, а это категорически неприемлет большинство депутатов.

К началу осени 1993 г. ясно: все конституционные ресурсы исчерпаны. У народа спросили, референдум (по модели, принятой съездом) провели, однозначный ответ получили. А двоевластие все сильнее подталкивает власть, парализуя ее основные структуры, порождая хаос и непродуманности экономической политики, стимулируя войну преступности. Для Президента, отвечающего за безопасность государства, пассивно смотреть на все это — значит обмануть избирателей, их мандат доверия, дважды данный ему в 1991—1993 гг. Остается один путь: приостановление работы съезда и назначение новых выборов. Но это — выход за рамки пусть противоречивой, латанной-перелатанной, действующей Конституции.

Указ 1400, разрешая кризис двоевластия, вместе с тем разрушил сами основы уже сложившейся номенклатуры ВС, разрушил фундамент — не демократии, не правового государства, но чего-то много более важного для многих депутатов: учреждения под названием ВС, того корпуса власти, которую они понимали как свое производное от слова «корпус».

Подписав этот Указ, Президент понимал — если депутаты разведутся по округам, уйдут «с высоко поднятой головой», уездут, объявят: мы отвергаем беззаконный Указ, чтобы не спровоцировать гражданскую войну, расходимся и будем вести избирательную кампанию, то для Президента и его сторонников результаты будут неустойчивы. И все же такая тактика открывала дорогу разрешению кризиса двоевластия без гражданской войны, при помощи избирательных бюллетеней, а не автоматов. Развернуть избирательную кампанию, заставить депутатов в нее включиться — именно на это был расчет.

По такой ход был психологически невозможен для «хасбулатовского» ВС. Крайний политический эгоизм и эгоцентризм, страх перед избирателями, месяцами копившаяся и раздувавшаяся ненависть к Президенту, наконец, «депутатская дисциплина», привычка подчиняться президенту и корпоративное чувство — все это вылилось во взрыв.

В противовес предложенному пути разрешения кризиса двоевластия через выборы руководство ВС быстро выбирает другую тактику: конфронтация, дестабилизация общества, гражданская война. Лучше залить Россию кровью, чем спрашивать мнение избирателей.

Парламент, давно уже реально оторвавшийся от страны, заперся, превратил «Белый дом» в крепость и стал звать подкрепления. Они не заставили себя долго ждать.

Общего врага — противостояние на трибуне, а завершилось на баррикадах.

Послужу, а из числа известных оппозиционных лидеров — вообще считанные единицы (Вабурин, Исасков). Несколько раз на протяжении 1992—1993 годов Президент предлагает компромиссы, позволяющие развязать узел двоевластия. Безрезультатно. За каждым из таких компромиссов маячит призрак досрочных выборов, а это категорически неприемлет большинство депутатов.

К началу осени 1993 г. ясно: все конституционные ресурсы исчерпаны. У народа спросили, референдум (по модели, принятой съездом) провели, однозначный ответ получили. А двоевластие все сильнее подталкивает власть, парализуя ее основные структуры, порождая хаос и непродуманности экономической политики, стимулируя войну преступности. Для Президента, отвечающего за безопасность государства, пассивно смотреть на все это — значит обмануть избирателей, их мандат доверия, дважды данный ему в 1991—1993 гг. Остается один путь: приостановление работы съезда и назначение новых выборов. Но это — выход за рамки пусть противоречивой, латанной-перелатанной, действующей Конституции.

Указ 1400, разрешая кризис двоевластия, вместе с тем разрушил сами основы уже сложившейся номенклатуры ВС, разрушил фундамент — не демократии, не правового государства, но чего-то много более важного для многих депутатов: учреждения под названием ВС, того корпуса власти, которую они понимали как свое производное от слова «корпус».

Подписав этот Указ, Президент понимал — если депутаты разведутся по округам, уйдут «с высоко поднятой головой», уездут, объявят: мы отвергаем беззаконный Указ, чтобы не спровоцировать гражданскую войну, расходимся и будем вести избирательную кампанию, то для Президента и его сторонников результаты будут неустойчивы. И все же такая тактика открывала дорогу разрешению кризиса двоевластия без гражданской войны, при помощи избирательных бюллетеней, а не автоматов. Развернуть избирательную кампанию, заставить депутатов в нее включиться — именно на это был расчет.

По такой ход был психологически невозможен для «хасбулатовского» ВС. Крайний политический эгоизм и эгоцентризм, страх перед избирателями, месяцами копившаяся и раздувавшаяся ненависть к Президенту, наконец, «депутатская дисциплина», привычка подчиняться президенту и корпоративное чувство — все это вылилось во взрыв.

В противовес предложенному пути разрешения кризиса двоевластия через выборы руководство ВС быстро выбирает другую тактику: конфронтация, дестабилизация общества, гражданская война. Лучше залить Россию кровью, чем спрашивать мнение избирателей.

Парламент, давно уже реально оторвавшийся от страны, заперся, превратил «Белый дом» в крепость и стал звать подкрепления. Они не заставили себя долго ждать.

Итак, противостояние началось на трибуне, а завершилось на баррикадах. В этой ситуации вполне естественно и неизбежно депутаты и Рудкой стали центром притяжения, прикрытием, а затем постепенно и знаменем самых агрессивных противников реформ. Непримиримая оппозиция — как внутри, так и вне ВС, в течение 1992—1993 годов все плотнее сходилась с руководством ВС. Они нашли друг друга в общем слепом противостоянии Президенту.

В течение 1992—1993 годов ВС выступал в основном как защитник и объективный провокатор действий «непримиримых». В самом деле, та постоянная, абсолютно бесцельная эскалация уличного насилия, которую мы пережили в Москве в 1992—1993-м, была бы невозможна, если бы хулиганы Анпилова не надеялись на раскол властей, на ту или иную помощь ВС. (Простое двоевластие, как только двоевластие кончилось, кончились и уличные шашни). И все-таки быть защитником, молчаливым союзником — одно. Стать союзником открытым — совсем другое.

И поразительно, как легко, мгновенно это произошло, как легко легитимные представители политического истеблишмента «обиделись» с прямыми погромщиками! Вольше того, ведь именно тогда, в краткие дни октября, мы вдруг увидели уже совсем другое, ранее вообще невиданное мурло — мурло настоящего, открытого, дикующего фашизма, поднявшего свастикку в самом центре Москвы. И вот именно тут, в прямую к фашистам — и последние депутаты, «защитники Конституции», вчера еще со вкусом обсуждавшие, чем «гарвардская» модель экономики отличается от «чикагской», чем «социальный рынок» отличается от «жесткого монетаризма».

Впрочем, союз с фашистами был не случайным. Если «политические взгляды» у большинства ВС и расходились с «красно-коричневыми», то был зато общий психологический черты, общими рисунком политического поведения. Разве баркашовцы предложили депутатам принять закон о смертной казни для тех, кто примет к исполнению Указ Ельцина? Это предложил депутат Вабурин. Приняли. Разве сами анпиловцы в баркашовцы, схватили оружие, рвали на мэрию и «Останкино»? Нет, «президент» Рудкой дал команду на наступление. Дорожа своей жизнью, столь необходимой России, «президент» сам в атаку не пошел, но ценные указания давал. Они зафиксированы радиопереговорами. Тут и «огонь на поражение», и призывы к авиации. Кровавая гражданская война — вот с чего собрался начать свое правление бывший президент России. И если она не состоялась — не его вина. Видно, как всегда, власти не хватало Александру Владимировичу.

Как и пацанты, «легитимные депутаты» ставили на голое насилие, на кровь, на провокацию. «Мы будем защищать Конституцию, а если она понадобится, то и с оружием в руках», — давно уже сказал депутат Астафьев на одном из съездов. Тогда его обрвал Хасбулатов: нет, наше оружие — только законы. В октябре Хасбулатов кричал с трибуны «Белого дома»: «На Кремль, на Кремль! Выгнать узурпатора из Кремля!». А довольным матерным эхом ему отвечали, потрясая ключами от мэрии, генерал Макашов и молодчики со свастикой.

Итак, противостояние началось на трибуне, а завершилось на баррикадах. В этой ситуации вполне естественно и неизбежно депутаты и Рудкой стали центром притяжения, прикрытием, а затем постепенно и знаменем самых агрессивных противников реформ. Непримиримая оппозиция — как внутри, так и вне ВС, в течение 1992—1993 годов все плотнее сходилась с руководством ВС. Они нашли друг друга в общем слепом противостоянии Президенту.